

Несколько дней назад Шэнь Вэнь тайком продал нефритовый браслет, который его мать подарила ему на свадьбу. Продажа принесла три лян серебра. Конечно, никто об этом не знал — деньги он спрятал.

В тот вечер, когда Ван Хэяо, напуганный кухонным ножом, выбежал из дома, он поздно ночью вернулся, шатаясь и пьяный. Видимо, где-то нашел, с кем выпить. Он уселся на земляной пол во внешней комнате, то смеялся, то плакал, бурчал что-то невнятное в пьяном угаре.

Спустя какое-то время он вдруг вскочил, начал пинать дверь в комнату Шэнь Вэня и выкрикивать грязные ругательства:

— Подлая тварь! Выходи! Ты же сказал, что жить со мной больше не можешь, а? Ну так давай! Я сначала убью тебя, потом свою старую мать, и всей семьей отправимся в подземный мир! Там уж поживем!

Несколько ударов по двери не дали результата — она даже не сдвинулась. Зато сам он, потеряв равновесие от отскока, рухнул на пол, ударившись копчиком. Боль была настолько сильной, что перед глазами у него все потемнело, и он долго не мог подняться.

В итоге он так и остался сидеть на полу, а потом и вовсе заснул в этой позе.

Наутро, выходя из комнаты, Шэнь Вэнь разбудил Ван Хэяо, который лежал у его двери, словно выброшенная собака. Придя в себя, тот, казалось, совершенно забыл вчерашние угрозы. Глядя перед собой пустыми глазами, он сел за стол и пробормотал:

— Кажется, я чувствую запах мяса. Кто-то варит мясо, пахнет вкусно.

Старуха Ван тоже уже встала. По ее лицу, покрытому морщинами, было видно, что она слышала ночные угрозы сына. Однако сейчас она молча разводила огонь и варила затхлую кашу.

Шэнь Вэнь сказал, что ненадолго выйдет. Никто не спросил, куда он собрался, и никто не ответил. В доме царила гнетущая тишина.

Вскоре он вернулся, держа в руках два цзиня свинины с задней части туши.

Глаза старухи Ван тут же оживились. Даже Ван Хэяо, втянув носом воздух, ощутил запах, от которого его взгляд стал жадным и голодным. С подозрением он спросил:

— Откуда у тебя деньги на мясо? Лучше бы ты отдал их мне — я бы отыгрался в игорном доме!

Шэнь Вэнь, опустив взгляд, спокойно ответил:

— У меня нет денег, мясо дал Цин Янь.

Ван Хэяо заскрежетал зубами:

— Все из-за этого старого ублюдка! Отдал кузницу чужакам, теперь они хорошо живут! А мы тут нищенствуем!

Шэнь Вэнь даже не поднял глаз, скрывая за веками проблеск решимости.

— Они умеют работать и потому зарабатывают много, это ведь естественно, не так ли?

На мгновение в комнате повисла тишина. Ван Хэяо взглянул на него мельком, в глазах что-то промелькнуло, но он ничего не сказал.

Когда мясо сварилось, Ван Хэяо почти все съел в одиночку, оставив матери всего пару кусочков. Закончив, он продолжал сидеть, глядя на пустую тарелку с каким-то странным выражением.

Шэнь Вэнь вывел его из задумчивости своим голосом. Он поднял голову и посмотрел на него злобным взглядом.

— Зайди, — сказал он спокойно. — Мне нужно поговорить с тобой.

Ван Хэяо нехотя последовал за ним в комнату. Там он увидел, как Шэнь Вэнь достает из ящика под кроватью небольшой мешочек. Открыв его, он показал содержимое — целую связку медных монет.

Лицо Ван Хэяо мгновенно перекопилось от жадности. Он выхватил мешок у него из рук и злобно выкрикнул:

— Подлая тварь! Я так и знал, что ты прячешь деньги!

Шэнь Вэнь спокойно ответил:

— Эти деньги я откладывал, чтобы купить соломенную циновку, в которую будет завернут мой труп, когда я умру.

Ван Хэяо громко сплюнул, схватил мешок и вышел из дома.

На следующий день он вернулся с пустыми карманами и темными кругами под глазами, сел во дворе и молча уставился в пространство. Несколько раз он крикнул, но никто в доме не

отозвался. Пробормотав проклятия, он собрался пойти спать.

Когда он лег, то внезапно снова поднялся, словно что-то вспомнив. Направившись в комнату Шэнь Вэня, он быстро полез под его кровать, выдвинул ящик и нашел там еще один мешочек с несколькими сотнями монет. Увидев деньги, он выругался:

— Эта дрянь! Я так и знал, что у него еще есть!

На третий день он вновь полез в ящик и снова нашел несколько сотен монет. На четвертый день его ожидал тот же «улов».

Но на пятый день ящик оказался пуст.

На шестой день Ван Хэяо решил залезть в дом Цю Хэняня и Цин Яня. Теперь во дворе не было собаки. Он быстро пробрался в дом, сразу же направившись к ящику под кроватью. В ящике было немало вещей, но ничего ценного он не нашел, что вызвало у него разочарование.

Собираясь уйти, он не сдался и потянул весь ящик наружу. На самом дне он обнаружил скрытую панель, за которой лежал мешочек. Взяв его в руки, он почувствовал тяжесть и чуть не выронил. Его сердце замерло от восторга.

Аккуратно вернув ящик и убедившись, что все на месте, он тихо выскользнул из дома.

Вернувшись домой, Ван Хэяо вел себя нагло и самодовольно. Он с размаху ударил Шэнь Вэня по лицу, а потом пнул свою старую мать, когда она осмелилась попросить у него денег. Старуха, упав на пол, принялась горько плакать, хлопая себя по бедрам.

Теперь у Ван Хэяо были деньги, чтобы вернуть долг Цянь Лэю. Рана на плече мужчины уже почти заросла. Доказать его вину становилось все сложнее. Уверенный в своей безнаказанности, Ван Хэяо не боялся ни людей, ни закона.

Он собирался расправиться с Шэнь Вэнем, но азарт пересилил, и он поспешил в игорный дом, бросив на прощание угрозу, что, вернувшись, сделает жизнь Шэнь Вэня невыносимой.

Он не мог и подумать, что этот уход станет для него последним.

□□.....

На следующий день Цю Хэнянь отправился в дом старосты. Тот самый наемный работник, из-за которого возник конфликт, все еще был заперт в дровяном сарае. Никто не знал, о чем Цю Хэнянь с ним говорил, но вечером этот человек собрал свои вещи и в спешке покинул деревню, словно за ним гнались призраки.

Арест Ван Хэяо стал настоящей сенсацией для деревни Люси. Местные жители обсуждали это событие за чаем и во время ужина еще долгое время.

Позже Цин Янь обсудил случившееся с Цю Хэнянем:

— Записка, из-за которой его арестовали, написана Шэнь Вэнем. Я узнаю его почерк. Когда он жил у нас, восстанавливаясь после утопления, он видел, как я тренируюсь в каллиграфии, и попросил научить его писать.

Цю Хэнянь кивнул:

— Я заметил, как стражники подобрали эту записку с земли. Тогда я подумал, что дело, скорее всего, в нем.

С этими словами Цин Янь пошел в комнату Кузнеца Вана, чтобы найти бумаги, на которых Шэнь Вэнь упражнялся в письме. Он перелистал страницы и нашел те, где были его каракули. Просматривая их, лицо Цин Яня постепенно мрачнело. Он молча передал бумаги Цю Хэняню.

Тот внимательно изучил их, после чего без колебаний вышел во внешний двор и бросил все бумаги в огонь.

Цин Янь стоял рядом и молчаливо наблюдал за процессом, не пытаясь остановить его.

На этих страницах Шэнь Вэнь, еще в то время, когда он лежал прикованным к постели после попытки утопления, начал обдумывать, как именно посадить Ван Хэяо за решетку. Он тренировался писать те самые слова и фразы, которые позже оказались на записке, ставшей причиной ареста.

□□.....

Согласно законам государства, муж, убивший жену, мог избежать наказания, если докажет, что жена была непочтительна к старшим или замешана в измене. А доказать «непочтительность» было проще простого — требовалось лишь подтверждение старших членов семьи.

В других семьях у жен или геров был родительский дом, который мог бы их защитить. Даже самые отвратительные мужья редко осмеливались на крайние меры. Но Шэнь Вэнь был одинок, у него не было опоры. Он прекрасно понимал, что у него нет пути назад. Еще немного, и он просто не выдержит. Пока Ван Хэяо жив, единственный, кто окажется в могиле, — это он сам.

За два дня до праздника Цинмин Шэнь Вэнь все еще восстанавливался в доме Цин Яня.

Тем временем Цю Хэнянь придумал предлог, чтобы уединиться с Цин Янем. Когда они вышли из комнаты, лица обоих были красными, и Шэнь Вэнь, заметив это, не смог сдержать улыбку.

Дверь в комнату была приоткрыта, и Шэнь Вэнь видел, как Цин Янь кладет переданные Цю Хэнянем деньги в ящик под кроватью. Этот момент заставил его немного изменить свой план. Изначально он хотел использовать соседей в качестве жертвы, но, увидев эту сцену, решил выбрать более надежный вариант — дом Цин Яня.

Чем больше украдено, тем суровее наказание. Чем тяжелее преступление, тем меньше вероятность возвращения Ван Хэяо.

□□.....

После того как буря улеглась, Цю Хэнянь и Цин Янь устроили ужин, пригласив семьи братьев Лю и братьев деревенского старосты. На столе было все: курица, утка, рыба, хорошее вино. Пиршество выглядело весьма щедрым.

Цин Янь продумал все до мелочей. Гости, выпивая, чувствовали себя все более непринужденно, а между семьями установилась еще большая близость.

Тем временем Ци Инлан уже прошел этап токсикоза, его аппетит заметно вырос. Благодаря хорошему уходу и достатку в доме семьи Лю, он стал выглядеть лучше — немного полнее, с румянцем, лицо приобрело черты мягкой утонченности.

Его муж Лю Цай все время заботился о нем. Даже за столом, несмотря на веселье, он постоянно следил за его тарелкой. Как только она пустела, он тянулся, чтобы положить туда еще еды.

Жена Лю Фа с усмешкой поддразнила его:

— Ну хватит уже! Рука у тебя через полстола тянется. Мы с Цин Янем тоже можем о нем позаботиться.

Лю Цай, слегка смутившись, улыбнулся:

— Я просто боюсь, что он постесняется сам потянуться за едой.

Ци Инлан, покраснев, укоризненно взглянул на мужа:

— Да сколько можно! Я тут не впервые. Мне уже давно нечего стесняться, лучше ешь сам.

Лю Цай не обиделся и весело согласился, но все равно периодически подкладывал еду в его тарелку. Молодая пара была на вершине счастья — совсем недавно поженились, да еще и ребенка ждали.

После ужина мужчины предложили помочь с уборкой, но Цин Янь настоял, чтобы они отдыхали. Он заварил чай и усадил их за стол. Жена Лю Фа и Ци Инлан тоже были отправлены отдыхать, сидели на краю кровати, щелкая семечки и болтая.

Цин Янь, заходя в комнату, слышал, как мужчины обсуждали арест Ван Хэяо. Жена Лю Фа тут же недовольно перебила:

— Эй, хватит говорить о таком за столом! Считайте это плохой приметой.

Мужчины сменили тему.

Когда Цин Янь разносил чай, он услышал, как Лю Фа хлопнул Цю Хэняня по плечу и сказал:

— Брат, послушай меня. Я за три года брака с женой обзавелся тремя детьми. А твой брат в следующем году станет отцом. Даже у братьев старосты время пришло. Так что, брат, тебе уже пора!

С кровати жена Лю Фа тоже поддержала:

— Вот послушай! Когда у тебя появится ребенок, и он будет называть тебя отцом, а Цин Яня — папой, ты все свое сердце отдашь этому малышу.

Цю Хэнянь, явно слегка навеселе, говорил медленнее обычного:

— Цин Янь еще молод. Не время.

Жена Лю Фа удивленно округлила глаза:

— Не молод! Когда я выходила замуж, мне только исполнилось восемнадцать. Ци Инланю сейчас девятнадцать. Даже если Цин Янь еще и может подождать, тебе в следующем году уже двадцать семь. В деревне, если мужчина в таком возрасте еще не отец, то это либо от бедности, либо... — она умолкла, качая головой.

Лю Фа тоже поддакнул:

— С ребенком дом становится полон жизни. Уходят пустота и холод.

Братья старосты закивали в знак согласия.

Лю Фа вздохнул и добавил:

— Помню, как ты рассказывал мне в ту ночь, когда умер Кузнец Ван. Ты сидел во дворе один всю ночь. Мне это знакомо. Когда умер мой отец, Лю Цай тогда еще был мальчишкой. Я был в чужом городе, дела не шли, поговорить было не с кем. Я думал, что не выдержу. Но все изменилось, когда я женился и завел детей. Это настоящий конец одиночеству.

Цин Янь не дослушал, вернулся во внешний двор, но слова о ночи, проведенной в одиночестве, застряли у него в голове.

Через какое-то время он услышал скрип двери из комнаты Кузнеца Вана. Обернувшись, он увидел, как Цю Хэнянь тихо закрывает дверь и идет к нему.

Цин Янь поднял голову, посмотрел на него и тихо спросил:

— Перебрал?

Цю Хэнянь кивнул, его глаза были слегка затуманены, речь медленной:

— Немного.

Цин Янь редко видел его таким. Не сдержавшись, он улыбнулся:

— Когда все уйдут, не ходи в кузницу. Остайся дома, отдохни.

Цю Хэнянь ничего не ответил, просто смотрел на него с удивительным спокойствием.

Цин Янь с недоумением глядел на него. Спустя мгновение Цю Хэнянь протянул руку, провел пальцем по его носу и с тихим укором сказал:

— Как только ложишься в постель, сразу от меня отворачиваешься.

Цин Янь застыл, ошеломленный. Он никогда не видел его таким откровенным.

Цю Хэнянь улыбнулся, шагнул ближе и серьезным тоном, понизив голос, произнес:

— Не слушай их. Если не хочешь детей — и не надо. Пока ты со мной, я никогда не буду одинок.

<http://bllate.org/book/13590/1205204>